

[Вернуться к списку статей рубрики](#)

13 октября. На сцене и вне. Поэтический турнир

Михаил Федоров
Рубрика "Дневник новичка"

Люди — безумцы.

Лишь безумцы осмеливаются добровольно выходить к публике и пытаться пережить зарифмованный текст. Французский язык, конечно, смягчает всё это. Да и зрители — такие же безумцы.

*

Я видел, как меняются глаза от слов, как дрожат руки от смысла.

Актёры умеют погружаться в нужный им мир. Сцена — безграничное пространство для воображаемых условий жизни. Выступая, можно и вовсе не заметить зрителя, а можно и подключить его к работе.

*

В эту субботу было что-то необычайное.

Во-первых, я никак не мог ожидать, что из школьных парт, декоративных свечей и погашенных прожекторов можно создать антураж уютного кафе. В зале было тепло и спокойно. Оттого и не чувствовалось, что скоро предстоит выход на суд публики и жюри.

Соревновательный момент хотелось ощущать меньше всего. Всё, что касается рейтинга и баллов, способно сбить эту тонкую атмосферу внутренней тишины.

Я видел, как люди сходят с ума из-за известной только им причины. Французские стихи бывают так эмоциональны... Они заставляют волноваться, всматриваться в лицо рассказчику, чтобы понять, что именно для него значат эти слова.

*

Близился поэтический вечер. И близился он с невероятной быстротой. Кажется, вчера я только узнал, что это такое, а завтра уже на сцену.

От неправильного использования времени я начал переживать за способность меня к прочтению французских стихов. Пытаясь облегчить задачу, я обозначил русского поэта, который в совершенстве владел французским языком. На удивление, у Пушкина мало иноязычных произведений, и выбирать сильно не приходилось.

Мне нужно было затронуть своим выступлением человеческие чувства: счастье, томление, дружбу, любовь. Последнее было особенно любопытно изучать у «французского Пушкина». Он будто предчувствовал, что через двести лет в ЛеТеатре должно прозвучать такое стихотворение.

*

И вот я в Славянском Институте. Через час чтение стихов, при желании этюдом. Судорожно повторяя то, что было выучено накануне, и думая, взять шляпу на выступление или нет, я огляделся.

В странном месте предстояло ждать начала. Здесь можно было найти много всего от непонятных крюков и до воздушных шариков. Лишь люди, приехавшие со мной в это время, напоминали своим видом о том, что я не существо реквизитного мира. Они, наверное, переживали, от этого мне становилось легче. Я не один.

*

И вот гасят свет. Актёры, мы сидим за столами, будто в кафе. Три свечи украшают вазочки на скатертях.

Чуть ранее я вытащил номер своего выступления. Семнадцатый. Вспомнился Валерий Харламов, но тут же исчез из сознания: не до него. Да и какая тут "Легенда"?

Сценой была небольшая площадка перед столами. Не возвышается и не выделяется. Это было прекрасно. В зале царила атмосфера уюта. Жёлтый свет, взамен белого.

Взгляд вне сцены

Настала очередь этюдов. От первого выступления я ожидал получить какой-то эмоциональный настрой. От интонации внутри начало что-то колоть. Задело душу, человека.

От следующих выходов я также ожидал эмоций. Они были, но я пытался сосредоточиться и не поддаваться ощущению этих звуковых волн. Не всегда удавалось.

Но самым сильным отпечатком в сознании было выступление со слезами. Верить настолько, что способен пустить слезу. Не каждый актёр так может.

Это сыграло на чувствах. Мне кажется, прослезились все. Кто-то внутренне, кто-то открыто. Но равнодушия я в этот миг не заметил и не хотел замечать.

Взгляд со сцены

И вот мой черёд. Стараясь держать осанку и прямой уверенный взгляд, я вышел перед всеми. Нужно было действовать незамедлительно, потому что, чем дольше ты переживаешь, тем больше забываешь.

Идея пришла быстро. Показать моё уважение к классику, встав, как он на картине Репина. Ситуация была чем-то схожа с экзаменом Царского Лицея, только был неизвестен исход.

Я начал читать.

Первоначальной целью было заинтересовать и вовлечь публику. Ведь от состояния зрителя зависит желание выступающего. Мне это удалось. Помог текст, который можно было показать немного с юмористической стороны. А смех — признак одобрения.

От смеха я ушёл к объяснению жизни и любви. Наверное, резкий переход хорошо отразился на понимании стихотворения.

Рассказывать было не так страшно, как представлялось. Можешь делать абсолютно всё, ограничиваясь лишь текстом и воображением. Как внести информацию в умы перед тобой сидящих, известно лишь тебе одному.

*

Актер - счастливый безумец - с трепетом волнения стоит на сцене. А зал замер. Зритель ждет...

